

Научная статья

УДК 94(510) + 7.03(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

Письменные источники эпохи Корё о благовониях и буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове

Анна Сергеевна Шмакова¹

Елена Эдмундовна Войтишек²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

¹ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

² e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Аннотация

Зародившись еще в древнем Китае, традиция использования ароматического сырья в первых веках нашей эры распространилась и на Корейском полуострове. Письменные источники эпохи Корё (918–1392), отмеченной необычайным расцветом буддизма в Корее, содержат много информации об использовании благовоний в ритуальных, бытовых и медицинских целях. Для выявления специфики ольфакторных практик в раннем корейском Средневековье анализируются тексты важнейших исторических сочинений, созданных в эпоху Корё: «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Samguk sagi*, 1145 г.); «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Xédon kōsōn chon*, начало XIII в.); «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Samguk yosa*, конец XIII в.). Анализ письменных источников, привлечение фольклорных и мифологических материалов позволяют выявить ряд особенностей, характерных для ольфакторных практик на территории Корейского полуострова в период распространения буддизма.

Ключевые слова

Корейский полуостров, ароматическая культура, исторический источник, благовония, буддизм

Для цитирования

Шмакова А. С., Войтишек Е. Э. Письменные источники эпохи Корё о благовониях и буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 56–66. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

The Written Sources of the Goryeo Period about Incense and Buddhist Olfactory Practices on the Korean Peninsula

Anna S. Shmakova¹, Elena E. Voytishek²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>
² e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Abstract

Having originated in ancient China during the Neolithic era, the tradition of using aromatic substances spread to other countries of the Sino-hieroglyphic area. On the Korean Peninsula, under the influence of internal features based on the Chinese version of aromatic culture and the Buddhist religious component, even a special type of maehyang ritual rite was formed, which consisted of burying a piece of wood in the ground in the presence of representatives of the Buddhist community on some important occasion. In this case, it was necessary to record in writing form the fact of burial on a stele, which was installed in memorial of such an event at the burial site of the wood, or on a stone located near the site of the ritual. A whole range of Korean written sources contains information about the use of incense for ritual and medical purposes. To identify the specific features of olfactory practices in the early Korean Middle Ages, this article will analyze “Historical Records of the Three States” (三國史記 *Samguk sagi*, 1145); “Lives of Eminent Korean Monks” (海東高僧傳 *Haedong Goseunjeon*, early 13th century) and “The remaining information [about] the three states” (三國遺事 *Samguk yusa*, late 13th century). An analysis of written sources, the use of folklore and mythological materials make it possible to reveal characteristics of olfactory practices in the context of the development of Buddhism on the territory of the Korean Peninsula. All these sources demonstrate many facts related to the use of incense at the court of the Korean king, in monasteries and temples for ritual and hygienic purposes. Analysis of sources not only allows us to trace the history of the spread of Buddhism across the Korean Peninsula and identify the peculiarities of interaction between cultures of the East Asian region in the chronological period under consideration (1–10th centuries), but also provides rich material about the flora of Korea, Korean ideas about plants and herbs, and as well as methods of their use.

Keywords

Korean peninsula, incense culture, written sources, incense, Buddhism

For citation

Shmakova A. S., Voytishek E. E. The Written Sources of the Goryeo Period about Incense and Buddhist Olfactory Practices on the Korean Peninsula. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-56-66

Введение

Ароматическая культура Восточной Азии, истоки которой связаны с возжиганием растительного сырья еще в эпоху неолита на территории Китая [Войтишек, 2021, с. 5–6], к настоящему времени представляет собой сложный комплекс историко-культурных явлений в странах синоиероглифического региона (Китай, Корея, Япония, Тайвань и отчасти Вьетнам). Она охватывает религиозно-магическую обрядность, область традиционной медицины, совокупность духовно-целительных практик, ритуалов даосско-буддийского, синто-буддийского и конфуцианского характера. Зародившись на территории Китая, со временем она распространялась по всей территории Восточной Азии.

Контакты населения Корейского полуострова с Китаем способствовали развитию на корейской территории ароматической культуры и особого типа ритуальной обрядности, связанной с ней. Однако последовательная реконструкция этапов развития ароматической культуры и ольфакторных практик на Корейском полуострове затруднительна вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников. В связи с этим важность приобре-

тают исторические факты и свидетельства, сохранившиеся летописях, в музейных собраниях, в записях монахов и коллекциях буддийских храмов [Войтишек и др., 2023, с. 80].

Наиболее авторитетными свидетельствами развития ранних ольфакторных практик на территории Корейского полуострова можно считать следующие: средневековые письменные исторические источники: летописи, написанные на кореизированном китайском языке *ханмун*; эпиграфические памятники, среди которых особое место занимают стелы *мэхянби*¹; вещественные источники, представленные специальным инвентарем для возжигания ароматических веществ и окуривания ими пространства; а также нематериальные источники – специфические ритуалы захоронения благовоний (埋香 *мэхян*), которые не сохранились в соседних странах – Китае и Японии.

Среди корейских письменных источников особую ценность представляют произведения, созданные примерно в одно и тоже время, – две летописи «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145 г.) и «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, конец XIII в.), а также сборник биографий монахов «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Хэдон косын чон*, XIII в.).

Цель данного исследования – на материале этих памятников выявить особенности применения ароматических веществ и растений в буддийских религиозных практиках и в бытовой сфере на Корейском полуострове в период Средневековья. Особое внимание уделено буддийским церемониям, поскольку ритуалы подношения благовоний играют важную роль в буддизме, – они воспринимаются как символ освобождения от препятствий и символ духовного просветления на пути постижения буддийской мудрости. Буддийские представления о подношении благовоний как об акте благодарности, уважения, благочестивого обращения и молитвы по отношению к Будде и бодхисаттвам воплотились во многих фрагментах указанных памятников.

Анализ письменных источников

При анализе основных памятников корейской историографии важным методологическим подходом является принятие во внимание разных принципов летописания в конфуцианской и буддийской традиции. Если для конфуцианской традиции было свойственно соблюдение четкой структуры текста, цельности и логичности сочинения, то для буддийской летописной традиции было характерно включение в ткань повествования весьма разнородной по качеству информации, в результате чего сочинение обрастило различными сюжетными ходами².

В этой связи в официальном летописном сочинении «Исторические записи трех государств» (*Самгук саги*) довольно редко встречаются упоминания о роли благовоний в ритуальной жизни королевского двора и сообщения о церемониях воскурения и подношения благовоний. В то же время в тексте официальной хроники есть описания случаев целительных практик с благовониями, что подчеркивает авторитетность старинного способа лечения многих недугов с помощью воскурения ароматических средств. Так, в хронике «Исторические

¹ Находки на территории Корейского полуострова, сохранившиеся в виде памятных стел 埋香碑 *мэхянби* на месте погребения кусков ароматической древесины (предположительно, аквиларии, коры сосны или дуба). По оставшимся обрывкам иероглифических надписей, выбитых или процарапанных на каменных стелах, можно в целом реконструировать отдельные ритуалы, проводившиеся в сельских буддийских общинах в течение долгого времени (в VIII–XV вв.). По прошествии десятков или даже сотен лет созревшую древесину выкапывали и торжественно сжигали в присутствии членов буддийской общины. Судя по этим эпиграфическим записям, подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи. См. подробнее: [Шмакова, Войтишек, Бэ Кидун, 2016].

² В соответствии с буддийскими представлениями, разномасштабные сообщения о различных событиях в исторических сочинениях приводились неслучайно. Они свидетельствовали о важности того или иного явления и могли спонтанно привести к прозрению. Как указывает А. Ф. Троцевич, «для буддиста нет событий значимых и незначимых: все сведения, которые сохранились в древних памятниках, а также в памяти народа, следует сохранить – ведь любой момент бытия может открыть путь к истине» [Троцевич, 2004, с. 63].

записи трех государств» в разделе «Летописи Силла» есть упоминание о 19-м правителе Силла Нульджи-ване (訥祇麻立干), который на 15-м году правления (528 г.) пригласил к своей больной дочери монаха Мохочжа (墨胡子) из царства Когурё, который в итоге вылечил ее с помощью воскурения благовоний³:

...Тогда [из Китая] приезжал посол от лянского правителя и подарил [вану] одежду и душистый предмет, но окружающие не знали ни названия предмета, ни его назначения, поэтому отправили людей, чтобы повсюду расспрашивать, [что это такое]. Когда увидел его Мохочжа, он сказал, как называется предмет, и объяснил, что если сжечь его, то поднимется нежный аромат, который достигает священного духа... Если сжечь это, высказать пожелание, говорил он, то обязательно откликнутся духи и [исполнится желание]. В то время как раз внезапно заболела дочь вана, поэтому ван попросил [М]охочжа зажечь фимиам и вознести молитвы... вскоре после этого наступило облегчение в болезни дочери... [Ким Бусик, 2001, с. 128–129].

Письменный памятник «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (*Хэдон косын чон*), составленный около 1215 г. монахом Какхуном, представляет собой собрание биографий служителей буддийского культа, часть из которых содержит самостоятельные вставные описания разного объема. Данный памятник имеет большое значение для историографии Корейского полуострова как один из самых ранних письменных источников не только по истории буддизма, но также и по истории корейской буддийской общины, международных отношений, географии, литературе, архитектуре, этнопсихологии (подробнее см.: [Какхун, 2007]).

Историческая хроника «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*) содержит огромные массивы текстов, разделенные на тематические блоки (кор. *квон*), которые, в свою очередь, делятся на параграфы. Содержание сочинения сводится к передаче исторических событий, попавших в поле зрения их автора, Ирёна (1206–1289), сюда же включены его размышления и комментарии в различных формах (подробнее см.: [Ирён, 2018; Ким Бусик, 2001]). Труд Ирёна содержит также огромное количество народных сказаний и легенд, поэтических вставок, отрывков из конфуцианских сочинений, ванских указов и хозяйственных документов, поэтому его можно по праву считать энциклопедией культурной жизни средневековых корейцев.

Оба этих памятника созданы примерно в одно и то же время буддийскими просветителями и продолжают в широком смысле традицию неофициального исторического летописания (в противовес официальному конфуцианскому летописанию) и буддийской литературы, сформировавшуюся в колыбели китайской культуры и философии. Базу этих повествований составляют сведения, взятые из ранних корейских письменных источников, при этом привлекаются материалы из китайских сочинений, а также из памятника «Исторические записи Трех государств» (*Самгук саги*), снабженные авторскими размышлениями. При этом показательно, что для Ирёна при создании его летописи одним из источников явился труд Какхуна [Какхун, 2007, с. 23].

Содержание памятников сводится к описанию исторических событий, происходивших в Корее в древний и добуддийский периоды ее истории, и процесса распространения буддизма с его ритуально-культовой атрибутикой в Средневековье.

³ Это повествование имеет легендарный характер. На самом деле государь Нульджи-ван правил в 417–458 гг., монах Мохочжа жил именно тогда, а не во времена 23-го правителя государства Силла Попхын-вана (правил в 514–540 гг.). (см.: [Ким Бусик, 2001, с. 114–118]). Под 528 г. эта история в памятнике зафиксирована исключительно потому, что она относится к предыстории официального признания буддизма Попхын-ваном. Что касается более позднего периода (эпохи Чосон), то значительный пласт информации об использовании ароматического сырья в лечебных целях содержится в «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 *Седжон силлок*, XV в.). Так, известно, что ван Седжон страдал многими кожными недугами, и поэтому, когда прибывшие из Японии послы преподнесли ему драгоценную древесину аквиларии *чхимхян*, правитель принял ее, несмотря на опасения. См. сайт компании и арт-галереи «Нынъин хяндан» (能仁香堂) в Пусане, Республика Корея. URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2023).

Тщательный анализ текстов указанных памятников позволяет проследить примерный географический маршрут распространения буддизма по территории Кореи – из Китая в Когурё и далее в Силла⁴ (при этом первыми проповедниками буддизма в Пэкче были уроженцы Индии и Центральной Азии); получить информацию о поездках служителей буддийского культа из Китая в Корею и обращении ими новых adeptов в свое вероучение; о взаимоотношениях буддийской общины с ванским двором, о монашеском быте и отправлении буддийских культов и ритуалов, которые обязательно сопровождались использованием благовоний и ароматических веществ.

В тексте Какхуна в главе «Проповедники буддийского учения» содержится информация о том, что монах Адо, оказавшись при дворе силлакского Попхын-вана (514–540), разъяснил ему, как совершать ритуал возжигания благовоний [Какхун, 2007, с. 51]⁵.

В этом же разделе в сюжете о встрече посла государства У с силлакским Вончжон-ваном (т. е. Попхын-ваном, г. п. 514–540) упоминаются пять благовоний (五香, кит. у сян, кор. о хян). В их число входили аквилария, мелия гималайская⁶, гвоздичное дерево, куркума домашняя и камфорное дерево, применение которых сопровождало отправление буддийских ритуалов [Там же, с. 89, примеч. 563]. Подтверждением этого тезиса может служить следующая цитата:

Правящий род Лян направил к правителю Силла посла, который звался Юань-бяо, послав с ним в дар курения из аквиларии и сандала... Правитель Силла не знал, как использовать эти предметы, и спрашивал людей в полях со всех четырех сторон. Тогда Адо воспользовался удобным моментом и указал на буддийский Закон [Какхун, 2007, с. 90].

Что касается памятника *Самгук юса*, то его текст содержит многочисленные упоминания примерно о 25 видах растений, применявшимся в медицинских и ритуальных целях на Корейском полуострове в эпоху Трех государств (I в. до н. э. – VII в. н. э.), а также сюжеты, связанные с использованием ароматических веществ в иных целях. Среди них упоминаются полынь индийская, рододендрон остроконечный, кизил лекарственный, туна китайская, аквилария (алойное, агаровое, или орлиное, дерево) и др. [Ирён, 2018, с. 199, 325, 348, 437,

⁴ В сборнике биографий Хакхуна в главе о Шунь-дао сказано: «На втором году правления Хэмирию-вана (некоторые говорят – Сосурим-вана), семнадцатого правителя Когурё, в году имсин (372), летом, в шестом месяце правитель Цинь Фу Цзянь (357–384) отправил в Когурё посла и буддийского подвижника Шунь-дао. С ними он послал изображения Будды и канонические тексты... Обратившись к истине, когурёцы преисполнились благовония и веры, будучи благодарны и счастливы, оттого что буддизм начал распространяться в их стране» [Какхун, 2007, с. 56]. В главе о Малананда содержится следующая информация: «На втором году правления Чхимни вана (385–386), весной, пэкчесцы построили храм в горах Хансан и определили туда десять монахов из уважения к наставнику Закона. С этого момента Пэкче, последовав за Когурё, возвысило учение Будды» [Там же, с. 80]. В тексте *Самгук юса* сказано: «Во времена девятнадцатого правителя Силла государя Нульчики-вана (417–458) монах-шрамана по прозванию Мохочжа прибыл из Когурё в округ Ильсон-кун... В то время правитель Лян прислал посланца даровать силлакскому государю различные одежды и благовонные вещества. Правитель и подданные не знали названия этих благовоний и того, как их употреблять, поэтому они послали человека взять эти благовония и повсюду расспрашивать о них в стране...» [Ирён, 2018, с. 447].

⁵ В главе о монахе Адо данного источника сказано: «Вначале, во времена силлакского Нульчики-вана (417–457), некий человек по имени Хыкхочжа прибыл из Когурё в округ Ильсонгун и проповедовал тем, кому было суждено приобщиться к буддийскому Учению. В то время правитель Лян отправил посла, [чтобы] одарить силлакского государя одеждой и курениями, но ни правитель, ни подданные не знали названия благовоний и того, как их использовать... Увидев эти благовония, Хыкхочжа сообщил их название и сказал: «Если зажечь это, то курения дадут сильный аромат. Это – то, с помощью чего передают искренние желания поклоняющегося божествам и святым... Если зажечь это и высказать желание, то непременно будет чудесный отклик» [Какхун, 2007, с. 87].

⁶ Растение имеет много названий. Самые распространенные – мелия азедара, мелия гималайская (лат. *Melia azedarach*). Листопадное дерево, произрастающее в Гималаях, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, ценится за душистые цветы и коричневатую фактурную древесину, из которой делают музыкальные инструменты и изделия декоративно-прикладного искусства. Семена снабжены отверстиями, вследствие чего в странах буддийского ареала из них делают четки и бусы (народное название – «четковое дерево»). После термообработки ядовитых плодов и семян растение пригодно для нужд фармацевтической промышленности. См. сайт Забакайльского ботанического сада. URL: <http://zabsadchita.ru/segodnya-v-sadu/1042-meliya-gimalajskaya.html> (дата обращения 23.09.2023).

447–448]. Часть указанных растений предназначена не только для воскурения, но и для съедения. Например, в корейском мифе о Тангуне полынь упоминается как ритуальное растение, рекомендованное в пищу тигрице и медведице с целью превращения в человека. Кроме того, использование образа полыни в метафоре «полынное селение» (т. е. кладбище) тоже свидетельствует о необычной роли этого растения. По-видимому, горькая полынь маркирует особые сакральные зоны взаимодействия с «другим» миром – неслучайно она наряду с чесноком издавна широко используется в народной медицине разных культурных традиций. Эфирные масла и дубильные вещества, содержащиеся в полыни и чесноке, обладают ярко выраженным противовирусным, противовоспалительным и антбиактериальным действием, что с древности обеспечивало их использование в разных функциях – от бытовых практик по обеззараживанию помещений до магических ритуалов по очищению пространства храмов и святыни⁷.

Сюжеты об использовании благовоний, представленные в тексте Ирёна, тематически можно разделить на следующие группы:

- упоминания о воскурении благовоний в связи с отправлением буддийских культов и ритуалов как в храмах, так и за их пределами⁸;
- сцены возжигания благовоний корейскими правителями, высокопоставленными лицами, аристократами, членами семьи вана⁹;
- упоминания ароматических веществ и растений для характеристики внешности людей и свойств их характера¹⁰;
- сюжеты, связанные с манипуляциями с душистой древесиной.

Кроме того, автор часто использует названия ароматических и лечебных растений для описания местностей, куда отправляется тот или иной герой повествования¹¹. Часто именно в местах произрастания таких растений и строились буддийские храмы.

⁷ О свойствах полыни см. Полынь горькая. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/polyn-gor-kaia-64795d> (дата обращения 24.09.2023).

⁸ Многочисленны сюжеты о воскурении благовоний монахами перед лицом Будды. Так, воскуривая благовония перед лицом Авалокитешвары, монах Сок Сонхэ прощается с монастырем, настоятелем которого он являлся, говоря: «Я ученик, постоянно пребывая в этом монастыре, с искренним усердием возжигал благовония, ни днем, ни ночью не ленясь. Но, поскольку у монастыря нет поля – источника прокормления для монахов, то возжигание благовоний и принесение жертв дальше продолжаться не могут, я собираюсь перебраться в другое место...» и т. д., а неграмотный монах Чомсун возжигает благовония просто так, по велению души [Ирён, 2018, с. 528]. При Сочжи-ване (479–500) монах в 488 г., возжигающий благовония и совершающий обряды во внутренних чертогах дворца, «тайно вступил в связь с повелительницей дворца и творил непотребство» [Там же, с. 256].

⁹ Многими отрывками из *Самгук юса* подтверждается проведение ритуалов с возжиганием благовоний в буддийских монастырях. В главе 28 сочинения Ирёна содержится информация о том, что государь Синдок-ван (912–917) возжигал благовония в монастыре Хыннун-са, а в главе 55 о Кёнэ-ване (924–927) сказано, что «государь лично возжигал благовония и совершал подношения. Это было первым случаем всеохватывающего разъяснения учений Созерцательного и Доктринального направлений во время собрания Ста восседающих» [Ирён, 2018, с. 255, с. 358]. По всему тексту произведения Ирёна слово «благоуханный» наиболее часто встречается при описании событий, происходивших в жизни вана и ванского двора. Так, в главе 55 сказано, что, когда государь Ким Пу направился на встречу к вану Тхэчжо, благоухающие экипажи и прекрасные кони тянулись вереницей на тридцать с лишним ли [Там же, с. 362]. В главе 56 сочинения Ирёна сказано, что, «когда государь Ким Пу во главе своих служащих отправился к государю Корё Тхэчжо, «благоухающие экипажи... тянулись вереницей на тридцать с лишним ли» [Там же]. В главе 59 Тхэчжо, обращаясь к Кён Хвону (867–936) – основателю государства Позднее Пэкче, сообщает, что «получил благоуханный конверт государева послания...» [Там же, с. 396].

¹⁰ В главе 84 сочинения Ирёна сказано: «...некая юная княжна, возраст которой приблизился к двадцати годам, внешность которой была необычайно прекрасна, а манеры чудесны, благоухая ароматом орхидеи и мускуса, нежданно-негаданно пришла к воротам северного скита» [Ирён, 2018, с. 560]. Здесь же содержится информация о том, что после того, как наставник Нохиль омыл тело княжны в чане, вода тотчас же сделалась благоуханно-ароматной [Там же, с. 562–563].

¹¹ В главе 88 сочинения Ирёна сказано: «На семнадцатом году правления под девизом Чжэн-гуань наставник, прибыв в эти горы [Одэ-сан], пожелал лицезреть истинное тело [бодхисаттвы Манджушри], [но над горами] три дня [стояли] тьма и мрак, [поэтому он] не достиг [цели] и вернулся. Он снова поселился [в] монастыре Воннён-са [и] тогда увидел [бодхисаттву] Манджушри... [Затем он] прибыл [в] местность Кальбан – [Где] вьется пуэрария» [Ирён, 2018, с. 591].

Отдельного внимания заслуживают также рифмованные комментарии Ирёна, которые обычно приводятся в конце глав. Так, например:

Окончилась трапеза. Перед крыльцом
Монашеский посох стоит.
Курильница-утка чиста и полна –
сандал аромат свой струит
[Ирён, 2018, с. 649].

Для описания поездок последователей наставника Вонгвана на запад, т. е. в Китай, на учебу Ирён использовал следующие строки:

За море поплыл он и первым дошел
Сквозь тучи до ханьской земли.
Вослед в путь пустившись, как много людей
Благой аромат обрели?
[Там же, с. 639].

Описывая знакомство государя Чинчжи с неким юношей чудесного воспитания и манер Миси, Ирён отмечает:

Взыскал аромата – ступил один шаг
и образ один увидал.
Как если б, где ни был, он сеял-растил –
Такой же успех он стяжал
[Там же, с. 556].

В тексте памятника *Самгук юса* встречаются упоминания инструментария для воскурения благовоний, а также многочисленные указания на его использование в монастырях и королевских покоях. Приведем две цитаты.

Это была шкатулка с клыком Будды. Изначально эта шкатулка была пятислойной: первый внутренний слой составляла коробочка из орлиного дерева, следующий внутренний слой – коробочка из чистого золота, следующий внешний слой – шкатулка из белого серебра [Там же, с. 541].

В пятом месяце, в пятнадцатый день [23 июня 693], оба родителя юноши Пуре пришли в монастырь Пэннольса и в течение нескольких вечеров приносили жертвы и возносили мольбы перед статуей Великокосострадательного [Авалокитешвары]. Внезапно на столе для благовоний они обрели два сокровища – цитру [и] свирель [Там же, с. 530].

Особый интерес в тексте Ирёна представляют пассажи о буддийских общинах (религиозных братствах), а также ритуалах, проводимых членами данных общин. До эпохи Корё (918–1392) буддийская община уже была интегрирована в государственную систему Кореи, поэтому в текстах рассматриваемых источников встречаются сюжеты, связанные с ее деятельностью¹².

Попутно можно заметить, что яркой особенностью деятельности буддийских общин на Корейском полуострове в VIII–XIV вв. можно считать проведение торжественного ритуала закапывания ароматической древесины (埋香 мэхян)¹³. На месте захоронения устанавливав-

¹² Так, в параграфе 64 сказано, что «...в годы правления под девизом Юань-Хэ (806–820) монах-шрамана Иллём из монастыря Намган-са составил “Слово на создание братства воскуривающих благовония при кургане и поклоняющихся Будде в память Ёмчхока”» [Ирён, 2018, с. 461]. В том же параграфе сказано, что «наставник созерцания Ёнсу-сонса из монастыря Хыннён-са совместно с другими создал общество воскуривающих благовония при поклонении Будде». В «Местных повествованиях» сообщается, что старцы каждый год «в утро дня воздержания, составляя братство, собирались в монастыре Хыннён-са» [Там же, с. 470]. В параграфе 80 текста Ирёна содержится информация о том, что «наставник Ансан-са стал великим единителем [буддийской общиной]» [Там же, с. 532].

¹³ В анализируемых текстах нет упоминаний об этих ритуалах. Однако в *Самгук юса* в § 129 («Двоюсовершенномудрых с горы Пхо-сан 包山») сказано о верующих мирянах, которые готовили «благовонное дерево» (香木, современное значение – «можжевельник китайский») для подношения в монастырь путем раскалывания, расщепления, промывки и просушки древесины на решетке. В темноте, с наступлением ночи, древесина испускала яркий свет, что было принято за чудо [Ирён, 2018, с. 788–789].

лась памятная стела с информацией о дате проведения ритуала, составе присутствующих, должности дарителя, количестве или весе ароматных курений. К сожалению, из-за плохой сохранности надписей и бедной источниковой базы удается реконструировать лишь отдельные элементы данного ритуального действия. Интересно, что подобные ритуалы не обнаруживаются на территории соседних с Кореей государств (подробнее см.: [Шмакова и др., 2016]). Вероятнее всего, это связано с существованием на Корейском полуострове собственной традиции использования душистых растений и ароматического сырья.

В корейских мифах, изложенных в летописях *Самгук саги* и *Самгук юса*, цветы, растения и их плоды наделялись особыми свойствами, способными превратить животное в человека или даже небожителя¹⁴. Так, в мифе о Тангуне медведице и тигрице предлагается превратиться в человека с условием в течение ста дней питаться лишь полынью и чесноком. Неслучайно в том же мифе речь идет о том, что Тангун (檀君), основатель древнего государства Чосон, родился от женщины-медведицы и духа сандалового дерева – глубоко почитаемого растения в восточной культурной традиции. Священное сандаловое дерево 神檀树 (кит. иэнъ таньшу, кор. синдансу), росшее на вершине горы Тхэбэк (太白山), куда, по легенде, спустился сын небесного правителя Хванун (桓雄), служило местом поклонения божествам (медведицы и тигрица каждый день приходили из пещеры к сандаловому дереву и молили Хвануна обратить их в человека)¹⁵.

Корейская мифология, передаваемая в устной традиции, в целом характеризуется обилием цветочно-растительных сюжетов, тесно переплетающихся с буддийскими легендами. По одной из версий истории о брошенной родителями на произвол судьбы принцессе Пари, Будда Шакьямуни дарует ей чудесный цветок *удумбара*¹⁶. В корейских мифах цветы проявляют магические свойства по оживлению тела и духа, могут побеждать злые чары, именно поэтому цветами отважная Чачхонби¹⁷ воскресила убитого ею слугу Чон Сунама. Цветами же она подавила мятеж на небесах, а в благодарность получила семена пяти злаков¹⁸ (см.: [Ли Кёндок, 2022, с. 162, 170]).

Применение растений различных видов и свойств сопровождало обряды перехода – прежде всего свадьба и похороны. Так, в комнату с умершим обязательно приносили связку стеблей дягиля, а среди атрибутов на корейской свадьбе непременно были сосновые шишки и бамбуковые стебли как олицетворение верности супругов на всю жизнь¹⁹.

Цветы и растения с их ароматами – это сложносоставная и всеобъемлющая метафора корейской культуры, в которой заключено стремление корейцев к процветанию, гармонии в любви и дружбе, забота о ближнем и вся жизнь. Цветочная поляна – это наполненный добром и светом благой мир, о котором мечтают все люди на земле [Там же, с. 253–254].

¹⁴ Ли Кёндок упоминает о том, что в мифе о богине чадородия и ее борьбе с духом осьпя сказано о цветочных состязаниях, которые способствовали отделению неба от земли [Ли Кёндок, 2022, с. 97].

¹⁵ См. материалы северокорейской и южнокорейской научной традиции, посвященные рассмотрению корейских мифов в тесной связи с фольклором и мифологией Северного Китая. Электрон. китайская энциклопедия Байкэ Чжиши 百科知识. URL: <https://www.jendow.com.tw/wiki/韓國神話> (дата обращения 24.09.2023). Некоторые китайские исследователи склонны также увязывать культ священного дерева древних корейцев с обожествлением космического дерева («древа жизни») в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов. URL: <https://m.163.com/dy/article/FPN29TJS0541LBHV.html> (дата обращения 24.09.2023).

¹⁶ В буддизме термином *удумбара* (пали, санскрит; букв. «благоприятный цветок с небес») обозначали дерево, цветок и плод фикуса кистевидного (Roxb. *Ficus racemosa*, фикус клубочковый). Согласно легенде, цветок *удумбара* распускается только один раз в 3000 лет, что символизирует такие редкие события, как появление Просветленного.

¹⁷ «Песенный сказ о богине злаков» (*Сегён-попнхури*) об удивительной девушке Чачхонби, которая боролась за свою любовь и не боялась ни гнева небожителей, ни смерти (см. [Ли Кёндок, 2022, с. 8]).

¹⁸ Традиционно в корейской культуре к пяти злакам *огок* относились рис, просо, пшеница, бобы и ячмень.

¹⁹ *Хан Гёнгу*. Традиционная свадьба: прошлое и настоящее. URL: <https://koryo-saram.site/traditsionnaya-svadba-proshloe-i-nastoyashhee/> (дата обращения 19.09.2023).

Заключение

Анализ источников, рассмотренных в данной статье, позволяет сделать ряд важных выводов о формировании и развитии ольфакторных практик на Корейском полуострове в период Трех государств и Объединенного Силла (I–X вв.). Ароматическая культура на территории Корейского полуострова во многом развивалась и формировалась под сильным влиянием буддизма, распространение которого в большей степени, чем все остальные факторы, способствовало оформлению ее ритуальной атрибутики.

Использование дорогих и редких благовоний, привезенных главным образом из Китая, было прерогативой аристократии и ванского двора. Тексты памятников содержат многочисленные сюжеты о посещении китайскими послами и монахами корейских государств и дарении буддийских книг и сутр, а также о воскурении фимиами корейскими ванами и их сподвижниками при отправлении буддийских культов в монастырях. При этом в «неофициальных» буддийских сочинениях Какхуна и Ирёна таких свидетельств значительно больше, чем в официальном сочинении придворного историографа Ким Бусика. Это обстоятельство позволяет разработать и применить ситуативную классификацию сюжетов с благовониями, где основным критерием отнесения их к той или иной группе выступает контекст упоминания факта использования того или иного вида ароматического сырья.

Вместе с буддизмом на Корейский полуостров проник и ароматический инвентарь, знания о правилах применения растений и лекарств в медицинских, ритуальных и гигиенических целях, а также китайские трактаты, описывающие правила использования целебных снадобий, пропорции их для смешивания, процедуры лечения болезней.

Знакомство с китайскими сочинениями по культуре ароматов и буддийскими сутрами, с одной стороны, стимулировало трансформацию корейского общества по китайскому образцу, а с другой стороны, способствовало формированию на основе китайского компонента уникальной ароматической культуры, ритуальных практик *мэхян* и инвентаря особого типа, которые не обнаруживаются в других странах синоиероглифического региона.

Распространение буддизма на Корейском полуострове привело к настоящей ольфакторной революции, которая оказала большое влияние на традиционную корейскую культуру и изменила векторы эмоционального восприятия адептами буддизма различных запахов. В дальнейшем это привело к выработке классификации видов аромасырья, широко использовавшегося не только в религиозных и культовых практиках, но и в бытовых, санитарно-гигиенических и лечебных целях.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2021. 224 с.
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С.** Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 73–87. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87
- Ирён.** Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., comment. и указ. Ю. В. Болтач; Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Какхун.** Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон) / Исслед., пер. с ханмуна, comment. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 184 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги (Летописи Силла) / Пер. с кор. М. Н. Пак. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1, кн. 12. 383 с.
- Ли Кёндок.** Корейские мифы / Пер. с кор. Л. Азариной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 272 с.

Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 323 с.

Шмакова А. С., Войтишек Е. Э., Бэ Кидун. Ритуал «Захоронения аромата» 埋香 мэхян на юге Корейского полуострова: проблемы реконструкции // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 32–52.

References

- Iryon.** Ostavshiesya svedeniya o trekh gosudarstvakh (Samguk yusa) [Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa)]. Trans. from Hanmun, intr. and comments by Yu. V. Boltach. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kakhun.** Zhizneopisaniya dostoynykh monakhov Strany, chto k vostoku ot morya (Haedong Goseungjeon) [Lives of Eminent Korean Monks]. Issledovanie, perevod s hanmunu, kommentarii i ukazateli Yu. V. Boltach. St. Petersburg, SPbSU Press, 2007, 184 p. (in Russ.)
- Kang Jae-eun.** Two Thousand Years of Korean Confucianism. New Jersey, Paramus, Homa & Sekey books, 2006, 516 p.
- Kim Busik.** Samguk sagi (Silla's Records). Trans. by M. N. Pak. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, vol. 1, book 12, 383 p. (in Russ.)
- Lee Gyeongdeok.** Koreiskie mify [Korean myths]. Trans. and comments by L. Azarina. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2022, 272 p. (in Russ.)
- Shmakova A. S., Voytishek E. E., Bae Kidong.** Ritual “zahoroneniya aromata” 埋香 maehyang na yuge koreiskogo poluostrova: problemy rekonstruktsii [Incense burial ritual 埋香 maehyang in the Southern part of the Korean Peninsula: problems of reconstruction]. *Vestnik of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2016, no. 6, pp. 32–52. (in Russ.)
- Trotsevich A. F.** Iстория корейской традиционной литературы (до XX в.) [History of Korean traditional literature (before the 20th century)]. Textbook. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2004, 323 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Aromaticeskaya kul'tura Vostochnoi Azii. Kitai: s drevnosti po nastoyashchee vremya [Incense culture of East Asia. China: from Antiquity to the Present]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 224 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E., Yao Song, Shmakova A. S.** Incense Seals and Stamps in Chinese and Korean Culture: Typology and Context. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 73–87. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87

Информация об авторах

Анна Сергеевна Шмакова, кандидат исторических наук, доцент
 Scopus Author ID 57193949544
 WoS Researcher ID Q-9937-2016
 RSCI Author ID 809033
 SPIN 1599-2176

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор
 Scopus Author ID 25931793000
 WoS Researcher ID R-3936-2016
 RSCI Author ID 140290
 SPIN 7927-4952

Information about the Authors

Anna S. Shmakova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57193949544

WoS Researcher ID Q-9937-2016

RSCI Author ID 809033

SPIN 1599-2176

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

*Статья поступила в редакцию 02.09.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 09.10.2023*
*The article was submitted on 02.09.2023;
approved after review on 12.09.2023; accepted for publication on 09.10.2023*